

В.П. Крючков

«Смерть чиновника»: преодоление и развитие традиции

Ничтожество свое сознавай, знаешь где? Перед Богом, пожалуй, перед умом, красотой, природой, но не перед людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство.

А. П. Чехов. Из письма брату Михаилу

У Чехова обычно в центре рассказа не характер и не идея, а ситуация — необычный случай, анекдот. Причем случай далеко не случаен — он высвечивает определенные закономерности жизни, суть характера. Чехов обладал гениальным даром замечать в действительности такие ситуации, в которых персонажи раскрывались бы не просто с максимальной, но с исчерпывающей полнотой и как социально-этические типы, и как люди со свойственной только им психологией, манерой поведения.

Оксюморонный характер названия

Название «Смерть чиновника» может расцениваться как своего рода оксюморон (то есть сочетание несочетающихся, противоположных понятий). Чиновник — это должностное лицо, в мундире, застегнутом на все пуговицы (то же относится и к его чувствам); он как бы лишен живых движений души, и вдруг — смерть, хотя и печальное, но все-таки чисто человеческое свойство, что чиновнику, такое уж сложилось о нем представление, противопоказано¹. Произведение Чехова, заранее можно предположить, — это рассказ не об исчезновении человеческой индивидуальности (не о ней речь!), а о прекращении функционирования чиновника, некоего бездушного механизма. Совсем иначе звучит название повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» — произведения о событии абсолютно личностном, персонифицированном (только таким оно и может быть), что выражено в имени и отчестве героя. Чехов же, в соответствии со своей художественной задачей, трагедизирует² сакральное³ событие, пишет пародию.

Анекдотичность сюжета

Сюжет этого произведения, как и большинства ранних рассказов Чехова, откровенно анекдотичен. По словам писателя, литературное произведение «должно давать не только мысль, но и звук, известное звуковое впечатление». В рассказе это в прямом смысле звуковое впечатление («Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и... апчхи!!! Чихнул, как видите») продолжает звучать в наших ушах на протяжении всего рассказа, прочно удерживая на нашем лице улыбку, вызывая комический эффект. Это — от анекдота. Ситуационное мышление — это тоже свойство анекдота. Тем неожиданнее окажется серьезное содержание этой анекдотической истории, которое явственно проступит в финале рассказа-анекдота.

¹ Симптоматично, что по опросам, проведенным в 1999 году корреспондентом центрального телевидения, слово *чиновник* ассоциируется у русского человека (у большинства опрошенных) со словами «бездушный», «должностные преступления» и т. п. Такая ассоциативная связь, конечно, формировалась в русском менталитете не одно столетие.

² *Трагедизирование* (от итал. *travestire* — переодевать) — своеобразный жанр комической поэзии, близкий к пародии.

³ *Сакральный* — священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу, обрядовый.

Смешное и трагическое в рассказе

Печальный сюжет контрастирует с ироническим тоном произведения. Смешной рассказ начинается со слова... «смерть» и заканчивается словом «помер». Но необходимо помнить, что эмоциональная контрастность — это постоянная отличительная черта и «раннего», и «позднего» Чехова: «С самого начала творческого пути эмоциональная контрастность изображаемого... была результатом сознательного авторского выбора, художественного эксперимента» (И. Сухих). Иронична интонация повествования: «В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор...», «Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицмейстеры, и тайные советники. Все чихают» и т. п. Говорящие имена персонажей выбраны в целях создания комического эффекта: Червяков, Бризжалов.

Как и многие смешные рассказы Чехова, рассказ «Смерть чиновника» не только смешон, но и грустен, и даже страшен. Гибель героя производит в рассказе эффект не только комический, но и трагический, поскольку мы становимся свидетелями добровольного, упорного самоунижения человеческого в человеке.

Преодоление и развитие традиции, или Диалог с Державиным, Гоголем, Пушкиным

Фамилия Червякова здесь включается в контекст «большой» литературы — русской классики и перекликается с хрестоматийными строками Державина, который рассуждает о ничтожестве и вместе с тем величии человека:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю;
Я царь — я раб; я червь — я Бог!

Как видим, слово «червь» у Державина стоит в середине строки, и потому акцентируется не оно, а слово *Бог* (с мужским, твердым ударением), завершающее перечень свойств человека решительно и «окончательно» не только по смыслу, но и по интонационной невозможности опровержения заключительного слова.

Державин утверждает в итоге богоподобие человека, возможность и нравственную неизбежность преодоления пресмыкательства. Чехов акцентирует другое слово, вызывая у читателя неприятие героя рассказа «Смерть чиновника», и тем самым — по принципу от обратного — так же, как и Державин, утверждает высокое начало в человеке. И после этого некоторые современные Чехову критики говорили об «отсутствии» у писателя нравственных идеалов?

Чехов здесь нарушает литературную традицию (начатую гоголевской «Шинелью») и по-новому трактует уже известную коллизию: *«маленький» человек в столкновении с важным должностным лицом*. Генерал в рассказе является второстепенным персонажем, он лишь реагирует на действия героя. Генерал лишен имени и отчества, и это естественно, потому что мы видим его глазами Червякова, а тот видит только мундир (это слово часто повторяется в тексте) важной персоны. О генерале мы ничего существенного не узнаем, но очевидно, что он, тоже в нарушение традиции, человечнее «униженного и оскорбленного» Червякова. Ясно одно: персонажи рассказа говорят на разных языках, у них различная логика и понимание — диалог между ними невозможен.

Объект насмешки здесь — тот самый маленький человек, над которым столько слез пролила русская литература XIX века. Литература, тем более классическая, неизбежно порождает традиции, догмы. Одной из таких традиций было сочувствие маленькому человеку именно потому, что он «маленький», бедный, «униженный и оскорбленный». Чехов, с его неистребимым чувством свободы, стремился преодолеть этот штамп. Он писал брату Александру в 1885 году (уже после создания рассказа «Смерть чиновника») о «маленьких» людях: «Брось ты, сделай милость, своих угнетенных коллежских регистраторов! Неужели ты нюхом не чуешь, что эта тема уже отжила и нагоняет

зевоту? И где ты там у себя в Азии находишь те муки, которые переживают в твоих рассказах чиновники? Истинно тебе говорю, даже читать жутко! Реальнее теперь изображать коллегских регистраторов, не дающих жить их превосходительствам». Маленький человек Червяков здесь и смешон, и жалок одновременно: *смешон* своей нелепой настойчивостью, *жалок* потому, что унижает себя, отрекаясь от собственной человеческой личности, человеческого достоинства¹.

Постоянное унижение входит в плоть и кровь «унижаемого», появляется потребность самоунижения. Чеховский чиновник даже страшится, что его могут заподозрить в нежелании унижаться:

«Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...»

Червяков страшен потому, что на нем, на его добровольном пресмыкательстве, держится вся система чиновничьего низкопоклонства, чиновничества, унижения и самоунижения:

«Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, – забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, – не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с... а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...»

— Пошел вон!!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

— Что-с? – спросил шепотом Червяков, млея от ужаса.

— Пошел вон!!! – повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер».

Однако чеховский Червяков является не только принципиальным переосмыслением образа маленького человека, мелкого чиновника в гоголевском воплощении. Между ними есть и родство. У Гоголя Акакий Акакиевич страдает не только, так сказать, «объективно», то есть не только потому, что является обладателем мелкого чина, но и (как и Червяков) в силу личностных, индивидуально-психологических причин: он сам отвел себе ту роль, которую играл (переписывал все положенные ему на стол бумаги, «не глядя, кто ему подложил и имел ли на то право»). С Башмачкиным вместе служили и другие, занимающие такие же незначительные должности, но и они издевались над бедным чиновником, будучи развязнее и наглее его. Чехов доводит до абсурда акакиевскую безответность, переходящую в самоунижение. Башмачкин у Гоголя менее выпрямлен, ему свойственна объемность, у Чехова же Червяков взят с одной стороны, как сатирически обобщенный до высочайшей степени концентрации образ-модель, говоря чеховскими словами, «чиноша».

По силе философского обобщения рассказ Чехова «Смерть чиновника» перекликается со стихотворением Пушкина «Анчар». Система помыкательства, рабства, чиновничьей зависимости оказывается пагубной и для «тирана», и для «раба». Пушкинского «раба» отличает абсолютное повиновение: ему было достаточно даже не приказа, а всего лишь «властного взгляда», чтобы безропотно отправиться к ужасному дереву. Он отдал все силы и посмел умереть не прежде, чем исполнил приказ — принес яд анчара (дерева яда):

¹ Чеховское неприятие добровольного самоунижения, добровольного рабства станет тем более понятным, что у самого него хватило силы воли преодолеть в себе эти качества. См. строки из письма Чехова А. Суворину от 7 января 1989 года: «Необходимо чувство личной свободы, а это чувство стало во мне разгораться только недавно. Раньше его у меня не было <...> Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент... выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...».

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

И чеховский Червяков тоже в момент смерти (момент психологического откровения для персонажа) не преодолел в себе «раба»: «не снимая вицмундира..., помер». Представляется, что мотивы выбора Пушкиным названия древа яда («анчар») и Чеховым должности Червякова («эзекутор») могут быть поняты как сходные: имеется в виду чисто формальная сторона — фонетическая, точнее фоносемантическая, то есть внешняя звуковая выраженность, обладающая в то же время внутренним содержанием). Известно, что литература как искусство слова обращена и к чувствам, и к разуму. В наше время, чтобы уточнить значение устаревшего слова *эзекутор*, многие читатели, особенно начинающие, должны будут обратиться к словарю. Но прежде, чем будет уяснен смысл слова, оно уже вызывает определенные (конечно, нужные автору произведения) эмоции благодаря своей звуковой «одежде» — своему звучанию. В данном случае *эзекутор* (в дореволюционной России — «чиновник, ведавший хозяйственными делами учреждения, наблюдавший за внешним порядком в канцелярии») выбран Чеховым, очевидно, не только потому, что обозначает младшее должностное лицо в канцелярии и подчеркивает незначительность Червякова вообще и в его собственных глазах прежде всего, но и по фонетическому принципу как перекликающийся с фамилией Червяков. Слово *эзекутор* чуждо русскому слуху, как и *анчар*, и уже само по себе вызывает мрачные ассоциации, но вместе с тем и некоторую улыбку из-за своей фонетической «несуразности», именно улыбку (хотя и далеко не благодушную), потому что, при всей своей мрачности, оно в большей степени дисгармонично, в отличие от «анчара» с его своеобразной гармонией.

Мрачной, дисгармоничной внешней «форме» этого слова соответствует и мрачное содержание (лексическое значение). Вторым значением этого слова (оно помечено в словарях как устаревшее) является следующее: *эзекутор* — тот, кто производил *эзекуцию* (то есть осуществлял наказание) или руководил ею. Ныне же это значение воспринимается как основное, поскольку прежнее (младший чиновник в канцелярии) уже прочно забыто. Словосочетание *эзекутор Червяков* тоже выбрано по принципу комического контраста, характерного для Чехова: *эзекутор* (то есть осуществляющий наказание) и вдруг совсем не «опасная», «смешная» фамилия... *Червяков*.

Но далее наш герой действительно становится страшным, становится и впрямь *эзекутором* для несчастного генерала Брижжалова, для которого мелкий чиновник стал сущим наказанием, стал невыносимым тираном, не дающим спокойно жить.

Философский итог стихотворения Пушкина заключается в утверждении бесчеловечности, гибельности тирании, насилия над личностью. Чехов, продолжая Пушкина, открывает новую грань — страшную силу добровольного самоунижения, добровольного рабства. И — совершенно неожиданный взгляд на вещи — незначительный, страдающий комплексом неполноценности чиновник оказывается вдруг страшным для самого генерала, причем его сила — в упрямой, тупой настырности; он как червь точит психику Брижжалова, пока не выводит высокопоставленного чиновника из себя. У Чехова безобидный Червяков оказывается тоже своего рода тираном, деспотом, губящим вокруг все живое. Крайности сходятся.

* * *

«Смерть чиновника» относится к так называемым ранним рассказам, написанным до перелома в творчестве 1887–1888 годов. И он корректирует традиционное представление о том, что ранние чеховские рассказы — это рассказы чисто юмористические (написанные Антошей Чехонте), а поздние рассказы — это произведения только печальные, серьезные, философские. Грустное и смешное всегда сосуществовало в творчестве Чехова, но эти качества выходили на первый план в различных произведениях, в различное время.